DOI: 10.17117/na.2016.06.01.472

<http://ucom.ru/doc/na.2016.06.01.472.pdf>

Поступила (Received): 29.06.2016

Антонов И.В.**Канглы в истории и археологии Южного Урала****Antonov I.V.****Kangly in history and archaeology of the Southern Ural**

Канглы образовались в Приаралье в процессе смешения огузо-печенежских и кимако-кыпчакских племен. После монгольского нашествия канглы переселились на Южный Урал, где их застали Плано Карпини и Рубрук. Памятники канглов не выделяются из числа земляных курганов Волго-Уралья XIII-XIV вв. Данные археологии подтверждают сведения исторических источников о том, что канглы и кыпчаки были тесно связаны

Ключевые слова: канглы, кыпчаки, Южный Урал, Дешт-и Кыпчак

Антонов Игорь Владимирович

Кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник
Институт этнологических исследований
Уфимского научного центра Российской академии наук
г. Уфа, ул. К. Маркса, 6

Kangly formed in the Aral Sea region in the process of mixing oguz-pecheneg and kimak-kipchak tribes. After the Mongol invasion kangly moved to the Southern Ural, where they caught the Plano Carpin and Rubruck. Monuments of Kangly not stand out from among the earthen mounds of Volgo-Ural of XIII-XIV centuries. Data archaeology confirms the information of historical sources that Kangly and Kipchaks were closely linked

Key words: kangly, kipchaks, Southern Ural, Desht-i Kipchak

Antonov Igor Vladimirovich

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher
Institute of ethnological studies of Ufa scientific centre of Russian academy of sciences
Ufa, K. Marx st., 6

Одной из центральных тем в средневековой истории и археологии Волго-Уральского региона является проблема преемственности населения домонгольского и золотоордынского периодов. В историографии сложилась традиция связывать археологические памятники степной зоны Южного Урала золотоордынского периода с известным по письменным источникам народом канглы, своим происхождением восходящим к печенегам (кангарам). Тем самым констатируется преемственность золотоордынского населения не только с домонгольским (кыпчакским), но и более ранним (огузо-печенежским) субстратом.

Наиболее полные сведения о канглах оставили западноевропейские путешественники, в XIII в. впервые встретившиеся с ранее неизвестным для них народом. Плано Карпини пишет, что он проехал «через всю страну Команов», «имеющую четыре большие реки»: Днепр, Дон, Волгу и Яик [1, с. 70]. После этого он въехал «в землю Кангитов», которых «также (как и команов. – И.А.)

истребили татары и живут в их земле, а те, кто остался, обращены ими в рабов». Далее Плано Карпини въехал «в землю Биссерминов (Хорезм. – И.А.)» [1, с. 72].

Рубрук утверждает, что к северу от Каспийского моря «находится та пустыня, в которой ныне живут Татары. Прежде же там были некие Команы, называвшиеся Кангле» [1, с. 118]. Выехав со своими спутниками из ставки Бату на Волге в восточном направлении, Рубрук отмечал: «И по всей той земле, и еще дальше жили Канглы, какие-то родственники Команов. К северу от нас была Великая Булгария, а к югу вышеупомянутое Каспийское море» [1, с. 122]. Как пишет далее Рубрук, «мы ехали через землю Кангле от праздника Святого Креста (15 сентября. – И.А.) до праздника Всех Святых (31 октября. – И.А.), причем почти всякий день, как я мог рассчитать, делали такое расстояние, как от Парижа до Орлеана (100 км. – И.А.), а иногда и больше, смотря по тому, какое у нас было количество лошадей. Именно иногда мы меняли лошадей дважды или трижды в день, а иногда ехали без перемены два или три дня, потому что не встречали народа, и тогда приходилось ехать медленнее» [1, с. 123].

Плано Карпини посетил «землю Кангитов» в 1246 г., Рубрук – «землю Кангле» – в 1253 г. Однако данные ими географические ориентиры несколько различаются: Плано Карпини помещает эту землю за Яиком, а Рубрук – уже за Волгой. Плано Карпини свернул на юг, в Хорезм, тогда как Рубрук продолжил путь на восток и ехал по земле канглов полтора месяца, преодолев за это время, как следует из его расчетов, не менее 4500 км. Даже если земля канглов простиралась до Южного Зауралья, то мы имеем преувеличение, по крайней мере, в два раза. Заметим также, что и Плано Карпини, и Рубрук пишут о канглах в прошедшем времени: хозяевами в их земле являются татары. Лишь Плано Карпини оговаривается, что часть канглов обращена татарами в рабов.

Марко Поло рассказывает, что братья Николай (отец Марка) и Матвей Поло, выйдя из г. Увека (когда уже началась война между Берке и Хулагу, т. е. в 60-х годах XIII в.), переправились через р. Волгу «и семнадцать дней шли пустынею. Не было тут ни городов, ни крепостей, одни татары со своими шатрами да стадами». «Перейдя через пустыню, пришли они в Бухару». Там царствовал Барак (не ранее 1265 г.) [2, с. 45]. Таким образом, братья Поло, двигавшиеся по маршруту Плано Карпини почти двадцать лет спустя, канглов в Южном Приуралье уже не застали или просто не обратили на них внимание. Канглы, как и другие покоренные татарами народы, принимают имя своих завоевателей. Однако какая-то их часть сохранилась и после распада улуса Джучи, а вместе с ним и золотоордынско-татарской этнополитической общности, когда этноним канглы нашел место в родоплеменной структуре ногайцев [3, с. 132; 4, с. 216; 5, с. 21]. Отмеченная Рубруком этническая близость канглов с команам подтверждается тем фактом, что башкирские канлы входят в родоплеменную группу кыпсаков [4, с. 169]. Каракалпакские кангуоглы в настоящее время считаются родом племени кыпшак, хотя раньше они были самостоятельным племенем [6, с. 111-114]. Таким образом, сведения Плано Карпини и Рубрука требуют уточнения, ибо история канглов после монгольского нашествия не кончилась. Не изменился даже их статус. Выйдя из состава кыпчакской общности, они влились в состав татарской общности.

Сведения восточных авторов о канглах более многочисленны, но менее подробны. У Махмуда ал-Кашгари в «Диван Лугат ат-Турк» «канли» – «имя великого человека среди Кипчаков» [7, с. 1023]*. Канглы упомянуты в перечнях кыпчакских племен, приводимых арабскими авторами золотоордынского периода ан-Нувейри, Ибн Халдуном и ад-Димашки и отражающих ситуацию, сложившуюся в Дешт-и Кыпчаке до монгольского нашествия [см.: 8, с. 540-541; 9, с. 266-268]. В то же время персидский автор Джузджани сообщает о покорении монголами племен кыпчак и канглы [см.: 10, с. 15], т. е. не дает оснований считать последних частью первых. У Рашид ад-Дина канлы и кипчак – тоже разные племена, правда, имеющие общее происхождение, поэтому рассказы о них помещены рядом [см.: 11, с. 83-84]. Чтение «Сборника летописей» убеждает в том, что канглами Рашид ад-Дин называет тюркские племена, жившие по соседству с Хорезмом, в то время как кыпчаки у него – это все население Дешт-и Кыпчака. Аналогичным образом в анонимной монгольской хронике 1240 г. Канлин и Кибчаут упоминаются хотя и рядом, но как разные народы [см.: 12, с. 168, 192, 194]. В китайской династийной истории «Юань ши» названия кипчак и канглы также тесно связаны. В «Жизнеописании Исмаила» рассказывается о карательном походе Чжэбэ на кипчаков. «Продолжая поход на канглов» (после разгрома русских на Калке в 1223 г. – И.А.), монголы напали на Булгар. «Продвинулись к кипчакам и также усмирили их» [13, с. 223-224]. Имеется в виду один и тот же народ, обитавший за Волгой и называемый кипчаками или канглами. О разгроме кипчаков и русских рассказывается и в «Жизнеописании Субэдая». Решением Чингис-хана по докладу Субэдая «тысячи» из обоков «канглов-кангар и кипчаков» наряду с меркитами, найманами и киреями «вместе составили одну армию» [13, с. 228]. Персонажами отдельных жизнеописаний стали служившие монголам Жалчек-батур – кипчак [13, с. 243] и Аймаур – «из рода канглы», воевавший с кипчаками [13, с. 244]**.

Таким образом, канглы были хорошо известны восточным авторам, что не требовало детального описания занимаемой ими страны (да и сам жанр рассматриваемых источников исключал подробный географический обзор). Однако только из сочинений арабских авторов вполне определенно следует, что канглы являлись частью кыпчаков. В персидских, монгольских и китайских источниках канглы и кыпчаки упоминаются как равные друг другу этнические наименования. Однако канглы и кыпчаки были тесно связаны, их этнонимы употреблялись в качестве взаимозаменяемых названий, что видно на одном примере.

Джувейни пишет, что род матери хорезм-шаха Мухаммада Теркен-хатун «принадлежал к тюркским племенам, называемым канглы, и Теркен, по причине своего происхождения, покровительствовала тюркам, которые при ее жизни занимали господствующее положение (в Хорезме. – И.А.)» [14, с. 330]***. Отсюда видно, что канглы – это собирательное название кочевых тюркских племен, живших к северу от Хорезма и тесно с ним связанных. Более информированный автор – личный секретарь последнего хорезмийского султана Джалал ад-Дина Манкбурны Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ан-Насави сообщает, что Теркен-хатун происходила из рода Байавут, «а этот род – одна из ветвей племени Йемек» [15, с. 65], канглов же он нигде не упоминает. Очевидно, для самих

хорезмийцев, знавших племенной состав населения Дешт-и Кыпчака, собирающего названия не требовалось. В таком случае получается, что канглы – это термин искусственный, объединяющий различные племена, обитавшие на территории прежнего расселения печенегов. В эпоху монгольского нашествия это были уже не печенежские, а кыпчакские племена.

Еще В.В. Бартольд отмечал, что близкое родство кыпчаков с канглами не подлежит сомнению; «мусульманские писатели XII и начала XIII в. употребляют слова *канглы* и *кыпчак* почти как синонимы». Из канглов, согласно Джувейни, происходила мать хорезм-шаха Мухаммада, которую другие источники называют кыпчакской царевной, кыпчаками часто называются и ее родственники. Канглы, они же кыпчаки, утвердившиеся «в нынешних киргизских (казахских. – И.А.) степях», как считал В.В. Бартольд, «вытеснили огузов с низовьев Сыр-Дарьи, где мы в конце XII в. находим кыпчакское владение» [16, с. 272]. В историографии уже сложилась традиция считать, что канглы образовались в Приаралье на почве смешения огузов, большую роль в составе которых играли печенежские племена, и пришедших с востока кыпчакско-кимакских племен [см.: 17, с. 56-57].

С.М. Ахинжанов, ссылаясь на сообщение Рашид ад-Дина о происхождении Теркен-хатун из тюркского племени урани [18, с. 209], отождествляет это племя с кимаками [9, с. 124]. Уранийцы-кимаки стояли во главе Сыгнакского владения кыпчаков, образовавшегося в районе, прилегающем к Сырдарье [9, с. 225]. Автор показал, что Сыгнакское владение кыпчаков находилось в зависимом положении от Хорезма, а к северу от Аральского моря располагалась территория независимых кыпчакских племен. В Сыгнакском владении обитали и канглы, их летние кочевки находились на Иртыше, а зимовки – в долине Сырдарьи, Чу и Таласа. «Известия же Плано Карпини и Рубрука о канглах севернее Аральского моря относятся к более позднему времени после монгольских завоеваний, когда канглы переселились западнее к Аральскому морю» [9, с. 238-240]. Получается, что в домонгольский период канглами назывались тюркские племена, зависимые от Хорезма, в то время как собственно кыпчаками назывались тюркские племена, сохранившие независимость. Восточные авторы, имея в виду разный политический статус кыпчаков и канглов, не отрицали общности их происхождения, а значит, и принадлежности к единой этнокультурной общности, объединявшей все кочевые племена Дешт-и Кыпчака.

А.Г. Юрченко рассматривает события эпохи монгольского нашествия как бескомпромиссную борьбу «одной кочевой элиты против другой, что обрекало проигравшего на политическое небытие. Ставкой в этой борьбе были жизненное пространство и ресурсы Степи, включая и человеческие ресурсы – простых кочевников с их семьями и хозяйством». Таким образом, геноцид «коснулся не рядовой массы степняков, а лишь их предводителей. Отрицательный ответ на вопрос, была ли Золотая Орда «Кыпчакским ханством»****, основан на буквальном прочтении средневековых свидетельств о тотальном истреблении половцев» [20, с. 180-181]. Аналогичная судьба постигла и канглов, имевших главную ставку на нижней Сырдарье и являвшихся одной из основных частей кыпчакского объединения племен. По мнению А.Г. Юрченко, «кангиты разделили

участь прочих кипчакских племен – лишившись своих правителей, истребленных монголами, влились в состав монгольской военно-административной системы и впоследствии составили большую часть населения улуса Джучи (Золотой Орды)». Подчеркиваемая средневековыми авторами особая роль канглов объясняется тем, что они «представляли самое многочисленное и самое привилегированное тюркское племя в Хорезмском государстве» [20, с. 185-186].

Особая роль канглов не осталась без внимания археологов. На исходе прошлого столетия, когда этногенетические реконструкции в археологии активизировались, казалось возможным если не «поймать» канглов на имеющемся материале, то хотя бы вычленить ряд памятников, с которыми канглы гипотетически могли быть связаны. Особую роль канглов в Дешт-и Кыпчаке можно связать не только с признаками огузо-печенежского погребального обряда, но и с их приобщенностью к городской цивилизации, хорезмийской государственности и исламской религии. Однако речь идет о памятниках золотоордынского периода, поэтому после монгольского нашествия, завоевания Хорезма, гибели городов и массовых перемещений кочевых племен канглы, очевидно, утратили признаки более высокой культуры, что способствовало их нивелировке в общей массе насельников Дешт-и Кыпчака. Западные европейские путешественники ничего не сообщают о культурном своеобразии канглов, но отмеченный ими факт количественного преобладания канглов в степном Заволжье, живших там до прихода татар, уже сам по себе может послужить доказательством их «особой роли» в археологии Южного Урала.

А.Ф. Яминов, не отрицая трансформации, которой подверглись канглы в результате ассимиляции части печенежских племен кыпчакской конфедерацией, предположил, что канглы «все же сохранили не только определенную независимость, но и основные черты погребального обряда, присущие собственно печенегам». По мнению А.Ф. Яминова, «именно среди земляных курганов Волго-Уральского междуречья, где часть памятников обнаруживают прямое сходство в погребальном обряде с печенежскими захоронениями, присутствуют и памятники канглы» [21, с. 26-27]. А.Ф. Яминов поддерживает версию о переселении канглов в степи Волго-Уралья после монгольского нашествия, так как аналогичные памятники домонгольского времени там практически неизвестны. С канглами он пытается связать земляные курганы XI-XIV вв. на левобережье Иртыша (Качирский, Леонтьевский и другие могильники). Автор предполагает, что канглам принадлежит часть земляных курганов Волго-Уралья с погребениями типа А I (простая могильная яма, западная ориентировка погребенного, без конского захоронения), хотя более трети погребений данного типа относятся к числу памятников золотоордынского мусульманского периода (имеются в виду безынвентарные погребения) [22, с. 180-189]. Однако «отличительные» черты принадлежащих канглам погребений так и не были выделены, погребения типа А I с вещами могли принадлежать не только канглам, но и черным клобукам, да и кыпчакам, смешавшимся с огузо-печенежскими племенами. Трудно допустить, что канглы могли сохранить печенежский погребальный обряд в его первоздан-

ном виде (на протяжении трех-четырех веков!), ведь в степи постоянно происходили миграции и смешения. А мнение о независимости канглов опровергается тем фактом, что во главе них стояли представители кимакской династии.

В.П. Костюков, противопоставляя канглов «собственно кыпчакам», по данным письменных источников делает вывод, «что в домонгольское время степные пространства между Уралом и Иртышом принадлежали скорее канглам, нежели кыпчакам». Но в золотоордынское время эти пространства уже не принадлежали прежним хозяевам, во всяком случае, численность автохтонного населения не могла быть значительной [23, с. 17-18]. В то же время автор допускает, что «часть земляных курганов XIII-XIV вв. (в Приуралье. – И.А.) может быть отнесена на счет канглов» [24, с. 129]. Но какими признаками характеризовалась эта часть и насколько она была представительной? На этот вопрос никто из археологов ответа не дал. Понятие «собственно кыпчаки» требует конкретизации. Если иметь в виду кыпчакский союз племен, то именно ему и принадлежали в домонгольское время степные пространства между Уралом и Иртышом. Но «собственно кыпчаков», т. е. отдельного племени с таким названием, в кыпчакском союзе не было [см.: 25, с. 13-36].

В.А. Ивановым проведен сравнительно-типологический анализ погребальных памятников кочевников Заволжья и Южного Приуралья огузо-печенежского (конец IX – первая половина XI в.) и золотоордынского (XIII-XIV вв.) периодов. Первая группа представлена 159, вторая – 272 погребениями, сравнение проводилось по 75 признакам. В результате определено значение коэффициента типологического сходства, равное всего 0,38. В.А. Иванов отмечает, что «об этногенетических связях кочевников огузо-печенежского объединения и Золотой Орды говорить не приходится. Но с другой стороны, присутствие в погребальном обряде золотоордынских кочевников таких признаков, как могилы со ступеньками (3,8% и 19,3% в первой и второй группе соответственно. – И.А.) или подбоями (3,8% и 7,6% соответственно. – И.А.), помещение конской шкуры слева от погребенного (20,8% и 4,7% соответственно. – И.А.) или над ним (30,8% и 1,8% соответственно. – И.А.), захоронения с наборными поясами (48,4% и 1,4% соответственно. – И.А.), можно, при желании, трактовать и как огузо-печенежские реминисценции». Однако все это отдельные, вырванные из этнокультурного контекста, признаки****. Памятники промежуточного – кыпчакского – периода по причине их немногочисленности (41 комплекс) в плане сравнительно-исторического анализа малоперспективны [27, с. 113-116]. Большинство (62,5%) кыпчакских (или кимако-кыпчакских)***** погребений домонгольского периода найдены на территории современных Саратовской, Волгоградской и Уральской областей, по рекам Волга, Еруслан и Узени [28, с. 66-70], т. е. западнее района расселения канглов по Плано Карпини. Именно в это время, очевидно, и происходило формирование этнической общности канглов, которых Плано Карпини и Рубрук застают уже в «готовом» виде. Однако эти авторы никого, кроме канглов и татар, в волго-уральских степях не упоминают. Буквально воспринимая их сведения, к канглам можно отнести все памятники, монгольская принадлежность которых исключена. Получается заведомо упрощенная картина, ибо канглы, вопреки сведениям западноевропейских путешественников, сами не являлись

автохтонами волго-уральских степей, кроме них там должны были сохраниться местные кыпчакские племена. Выделить из числа этих племен канглов по данным археологии не представляется возможным.

В целом у кочевников Золотой Орды абсолютно доминировали признаки погребального обряда, характерные для домонгольских кыпчаков (половцев): захоронения под простыми земляными насыпями, ориентировка погребенных в западном и восточном секторах, незначительное количество сопроводительных конских захоронений. «Это со всей очевидностью указывает на то, что среди кочевников Золотой Орды этнические кыпчаки преобладали». Захоронения под курганами с каменными конструкциями составляют вторую типологическую группу кочевнических погребений Золотой Орды. Версия о связи погребений под «каменными» курганами с кыпчаками-половцами степей Восточного Казахстана не подтвердилась, в настоящее время эти погребения связываются с тюрко-монгольскими племенами Центральной Азии [29, с. 150-152]. Что касается канглов, то можно только присоединиться к традиционному мнению об их присутствии среди носителей земляных курганов Волго-Уралья, но добавить к этому мнению практически нечего. Мы не можем с уверенностью назвать ни один памятник, принадлежащий канглам. Важно другое: памятники канглов не выделяются из числа памятников кыпчаков.

Здесь данные археологии совпадают со сведениями средневековых авторов, называющих канглов одним из кыпчакских племен. В домонгольское время канглами назывался один из союзов племен в Дешт-и Кыпчаке, поэтому в некоторых источниках канглы упоминаются наряду с кыпчаками. После разрушения монголами кыпчакских союзов племен канглы утратили связи с Хорезмом и переселились в степи Волго-Уралья. Нет сомнения в том, что они составили значительную часть кочевого населения Волго-Уральского региона. В то же время нет оснований считать канглов огузо-печенежским реликтом в Дешт-и Кыпчаке. В Кыпчакской степи не было ни морских островов, ни изолированных горных долин, где могли образоваться этнические реликты. Никто не отрицает, что кыпчаки ассимилировали часть огузо-печенежского населения, однако канглы были образованием кыпчакской, но не огузо-печенежской эпохи.

* Это единственное упоминание этнонима в домонгольский период.

** При дворе юаньского императора была учреждена левая и правая гвардия кыпчаков [13, с. 206, 215-216], в составе которой, очевидно, находились и канглы.

*** Джузджани называет ее дочерью кыпчакского хана [14, с. 642]. В таком случае кыпчаки и канглы – одно и то же.

**** Имеется в виду серия работ известного челябинского археолога и историка В.П. Костюкова [см., напр.: 19], в которых поставлено под сомнение традиционное мнение о преобладании в улусе Джучи автохтонного, т. е. кыпчакского, компонента.

***** Очевидно, это и были, по мнению А.Ф. Яминова, «основные черты» печенежского погребального обряда. Однако, как отмечала С.А. Плетнева, даже в южнорусских степях половецкого периода (середина XI – середина XII в.) «наиболее устойчивым оказался печенежский обряд» [26, с. 218–219]. Но в южнорусских степях канглов не было. Кто же тогда там являлся носителем печенежского обряда после пришествия половцев?

***** Определение этнической принадлежности в данном случае, разумеется, является условным, но отражает появление в погребальном обряде новых признаков, характерных для кимако-кыпчакских племен Верхнего Прииртышья.

Список используемых источников:

1. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. 270 с.
2. Книга Марко Поло. М., 1955. 376 с.
3. Сикалиев А. Древнетюркские письменные памятники и ногайцы // Советская тюркология. Баку, 1970. № 4. С. 131-135.
4. Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978. 263 с.
5. Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А. И.-М. Ногайцы: историко-этнографический очерк. Черкесск, 1988. 232 с.
6. Жданко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпаков: родоплеменная структура и расселение в XIX–начале XX века. М.; Л., 1950. 172 с.
7. Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. Алматы, 2005. 1288 с.
8. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. I. 564 с.
9. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы: Гылым, 1995. 296 с.
10. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. II. 308 с.
11. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. I. Кн. 1. 222 с.
12. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941. 620 с.
13. Золотая Орда в источниках. М., 2009. Т. 3. 336 с.
14. Чингисхан. История завоевателя мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувейни. М., 2004. 690 с.
15. Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ан-Насави. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны: (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны). М., 1996. 798 с.
16. Бартольд В.В. Рец. на кн.: Н.А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности (1897) // Бартольд В.В. Соч. М.: Наука, 1968. Т. V. С. 266-279.
17. Есбергенов Х. Вопросы этнической истории и традиционной культуры каракалпаков // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус: Каракалпакстан, 1989. С. 53-77.
18. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. I. Кн. 2. 316 с.
19. Костюков В.П. Была ли Золотая Орда «Кипчакским ханством»? // Тюркологический сборник 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М., 2006. С. 199-237.
20. Юрченко А.Г. Историческая география политического мифа: образ Чингис-хана в мировой литературе XIII-XV вв. СПб.: Евразия, 2006. 640 с.
21. Яминов А.Ф. Южный Урал в XIII-XIV вв. Автореферат диссертации. Ижевск, 1995. 30 с.
22. Яминов А.Ф. Огузо-печенежские реликты в среде золотоордынского населения Волго-Уральских степей XIII-XIV вв. // С.И. Руденко и башкиры. Уфа: Гилем, 1998. С. 180-189.
23. Костюков В.П. Памятники кочевников XIII-XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана). Автореферат диссертации. Уфа, 1997. 19 с.
24. Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII-XIV вв. Казань: Фэн, 2010. 200 с.
25. Антонов И. Башкиры в эпоху кипчакской экспансии в VIII-XI вв. // Ватандаш. 2011. № 7. С. 13-36.
26. Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 213-222.
27. Иванов В.А. Сравнительно-типологическая характеристика погребальных памятников кочевников Урало-Поволжья огузо-печенежского и золотоордынского периодов (к вопросу об этнокультурной преемственности в кочевнической среде Евразии) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2006. С. 113-116.
28. Иванов В.А. Этнокультурная карта Южного Урала в предмонгольский период (вторая половина XI – начало XIII вв.) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2004. С. 66-70.
29. Иванов В.А. Этнокультурная карта Улуса Джучи (Золотой Орды) в XIII-XIV веках // Урал-Алтай: через века в будущее. Уфа, 2016. С. 150-152.